чужие партии

Дорогому Борису Александровичу
Кистяковскому с сердечным приветом
от автора.
Царское Село 1915.

6 К-32

Гессен, С. Ю.

Идеи жизни.

„Пров...

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
1766
26

К32

Идея націи.

С. І. Гессенъ.

1.

Для всѣхъ, кто хочетъ уяснить себѣ духовный смыслъ настоящей войны, вопросъ о націи есть одинъ изъ самыхъ существенныхъ и насущныхъ. Въ той или иной формѣ онъ неизбѣжно встаетъ передъ каждымъ изъ насъ. Если вѣрно, что мы ведемъ сейчасъ народную войну, то что такое защищаемое арміей нашей народное достояніе? И если для побѣды нужно національное единеніе, то въ чемъ оно состоитъ? Связано ли оно съ отреченіемъ отъ особенностей своего мышленія и своихъ идеаловъ, съ превращеніемъ всего общества въ однообразную, лишенную внутри всякихъ индивидуальныхъ различій массу? Или объединенность въ общемъ дѣйствіи можетъ сочетаться съ сохраненіемъ собственной индивидуальности? Однимъ словомъ, какой патріотизмъ истиненъ: тотъ ли, который, думая только о настоящемъ, ведетъ къ духовной нивеллировкѣ общества, какъ то въ началѣ войны было и, повидимому, имѣетъ еще и нынѣ мѣсто въ Германіи? Или тотъ, который, живя будущимъ и объединяя людей въ общемъ творческомъ дѣйствіи, еще рѣзче проявляетъ ихъ индивидуальныя различія и особенности, какъ то, будемъ надѣяться, и впредь будетъ отличать наше общество? Ведетъ ли увѣренность въ правотѣ своего дѣла къ ненависти и презрѣнію къ врагу, и если нѣтъ, то должно ли бороться съ этой ненавистью? Не есть ли презрѣніе и злоба лучшій стимулъ къ побѣдѣ и отсутствіе ихъ—слабость и безразличіе, и недостатокъ патріотизма?

Всѣ эти вопросы—насущные вопросы. Они предстоятъ каждому изъ насъ и властно требуютъ своего разрѣшенія. Болѣе того: такъ или иначе они уже разрѣшены всѣми нами, разрѣшены до того, какъ мы успѣли ихъ формулировать,—въ подсознательной основѣ нашего существа, именуемой совѣстью. Но это значитъ, что совѣсть наша разрѣшила уже и тотъ основной вопросъ, которымъ всѣ эти частные вопросы держатся,—вопросъ о націи. Сердце знаетъ, что такое нація, твердо знаетъ, задолго до всякихъ теоретическихъ размышленій и разсужденій. И если въ глубинѣ души мы чувствуемъ, что дѣло не въ побѣдѣ только, какъ бы она ни была желанна, а въ томъ, для чего эта побѣда и что будетъ послѣ побѣды; если любовь къ своему народу и вѣру въ него мы не переживаемъ, какъ ненависть ко всему, что не мы и не съ нами; если, наконецъ, желая сокрушить угрожающаго національному достоянію нашему врага, мы все же не видимъ въ немъ абсолютнаго воплощенія зла, которое остается только разъ навсегда истребить и уничтожить,—то, что бы намъ ни говорили иные философы о мнимой необходимости видѣть во врагѣ злодѣя, въ себѣ же рыцарей самого добра, мы имъ не повѣримъ. Мы скорѣе усомнимся въ ихъ философіи, чѣмъ откажемся слѣдовать голосу нашей совѣсти.

Но значитъ ли это, что философія вообще не нужна, что достаточно ограничиться однимъ непосредственнымъ переживаніемъ? Конечно, нѣтъ. Непосредственное переживаніе, само по себѣ, слѣпо и нѣмо: чтобы сообщить наше чувство другимъ, чтобы оправдаться въ немъ передъ собой, мы принуждены поднять его въ сознаніе, сдѣлать его предметомъ размышленія. Такъ или иначе мы всѣ, не зная того, философствуемъ, но философствуемъ тайкомъ, урывками, случайно и разбросанно. Поэтому, попытка явно и систематически осознать непосредственное переживаніе никогда не можетъ быть лишней. Мало чувствовать, надо умѣть дать отчетъ въ своемъ чувствѣ. А для этого мы не должны бояться отвлеченнаго пути философскаго разсужденія. Быть можетъ, путь этотъ и не приведетъ насъ ни къ чему новому. Но онъ укрѣпитъ насъ въ старомъ, давно знакомомъ, отстранитъ возможныя сомнѣнія и колебанія и придастъ чувству нашему значеніе и силу убѣжденія.

2.

Два вопроса содержитъ въ себѣ проблема націи: вопросъ о взаимоотношеніи между индивидомъ и народностью и вопросъ о взаимоотношеніи народности и человѣчества. Въ зависимости отъ того значенія и цѣнности, которыя придаются тому или иному члену названныхъ взаимоотношеній, и получаются обычныя рѣшенія этой проблемы. Удареніе ставится всецѣло то на индивида, то на народность, то на человѣчество. Заранѣе принимается, что перечисленныя начала находятся между собой въ противоборствѣ, и что признаніе одного изъ нихъ тѣмъ самымъ уже ведетъ къ умаленію другихъ. Такъ, космополитизмъ отрицаетъ народность ради человѣчества для того, чтобы, въ концѣ концовъ, и человѣчество превратить въ простую сумму индивидовъ. Такъ, націонализмъ, наоборотъ, отрицаетъ человѣчество ради народности, которой въ жертву онъ готовъ принести и индивида. Мы постараемся показать, что всѣ указанныя противорѣчія—вымышленныя противорѣчія; что, оперируя съ понятіями индивида, народности и человѣчества, космополитъ и націоналистъ такъ же, какъ примиряющій ихъ эклектикъ, оперируютъ не съ реальностями, а съ отвлеченными призраками, которые улетучиваются у нихъ подъ руками. На самомъ дѣлѣ между индивидомъ и народностью, народностью и человѣчествомъ уже потому не можетъ быть противорѣчія, что самъ индивидъ возможенъ лишь черезъ народность, народность же—только черезъ человѣчество. Поэтому, выяснивъ взаимоотношеніе между народностью и человѣчествомъ, мы тѣмъ самымъ уже отвѣтимъ и на вопросъ объ отношеніи между народностью и индивидомъ. Здѣсь одинъ вопросъ, а не два, или, вѣрнѣе, двѣ формы одного и того же основного вопроса, разрѣшеніе котораго сразу снимаетъ какъ ихъ мнимую двойственность, такъ и ту мнимую альтернативу, которая на ея почвѣ выростаетъ. Альтернатива космополитизмъ—націонализмъ покоится на механистическомъ пониманіи жизни, вмѣстѣ съ которымъ она и падаетъ. Только на почвѣ все расчленяющаго, все разрывающаго механизма и возникаютъ тѣ понятія народности и человѣчества, примирить которыя уже не удается никакому искуснику.

Въ самомъ дѣлѣ, сущность космополитизма въ томъ, что онъ отрываетъ цѣлое—человѣчество—отъ частей—народностей. Для него цѣлое живетъ какъ бы самостоятельной жизнью помимо частей. Космополитъ хочетъ быть просто человѣкомъ, гражданиномъ міра, безъ ограничивающаго включенія въ какую-нибудь народность. Онъ хочетъ сразу достичь цѣлаго внѣ посредства частей. Чисто внѣшнія, случайныя причины заставляютъ людей слагаться въ народы и быть эллинами и іудеями вмѣсто того, чтобы быть просто людьми. Обособленіе народностей—плодъ случайнаго историческаго развитія, въ которомъ человѣкъ былъ игралищемъ и жертвой слѣпыхъ, неразумныхъ силъ. Нынѣ онъ долженъ самъ стать творцомъ своей судьбы и отрѣшиться отъ всего раздѣляющаго и обособляющаго, отъ всего индивидуальнаго и историческаго. Космополитъ прежде всего отвергаетъ исторію, которая есть для него лишь нагроможденіе безсмысленныхъ преградъ, косной узости, несправедливости. Отрицая все конкретное, онъ хотѣлъ бы жить въ одной лишь отвлеченной всеобщности.

Но какъ сдѣлать это отвлеченное реальнымъ, общее и далекое близкимъ и ощутимымъ? Космополитъ жаждетъ дѣйствія, а для дѣйствія нужны реальные объекты. И вотъ, человѣчество превращается для него въ сумму отдѣльныхъ людей, въ сумму наибольшаго числа людей, въ послѣднемъ идеалѣ своемъ — въ сумму всѣхъ людей. Интересъ человѣчества—это есть интересъ наибольшаго числа людей, какъ существующихъ, такъ и имѣющихъ еще родиться въ будущемъ. Оторванное отъ частей цѣлое постепенно вытягивается въ неопредѣленно-безконечную сумму частей. Сохраняя свою отвлеченность (ибо космополитъ провозглашаетъ естественное равенство людей: они всѣ для него однородны въ своей безъиндивидуальной тождественности), человѣчество пріобрѣтаетъ зато, повидимому, реальность.

Но именно только повидимому. Ибо порождаемая отрицаніемъ индивидуальности отвлеченность разстилаетъ передъ космополитомъ однородную, неопредѣленную массу, въ которой онъ необходимо теряется. Для историческаго пониманія человѣчество дано лишь въ исторіи: оно есть не что иное, какъ цѣлокупность индивидуальнаго творчества осо-

быхъ, но и взаимно связанныхъ въ этой своей особности народностей. Новыя народности, вступая на арену исторіи, наслѣдуютъ оставленное прежними. Такъ эллинство не исчезло, но сохранилось въ культурѣ новаго времени. Человѣчество есть непрерывный органическій ростъ, гдѣ старое сохраняется въ новомъ, гдѣ есть непрерывное единое развитіе: каждому индивиду, каждому поколѣнію, каждому народу уготовано опредѣленное мѣсто, поставлена опредѣленная задача, внѣ которой онъ лишается смысла своего человѣческаго существованія. Космополитъ отвергаетъ эту порождаемую индивидуальностью опредѣленность: помимо народности, помимо своего поколѣнія ставитъ онъ себя лицомъ къ лицу съ человѣчествомъ, механически слагающимся изъ безконечнаго числа безразличныхъ индивидовъ. На чемъ остановиться? Куда приткнуться? Какъ ограничить себя? Какъ опредѣлить, направить свою дѣятельность? Превращенное въ сумму однородныхъ частей человѣчество неизбѣжно развертывается въ дурную безконечность, въ дурную, ибо неопредѣленную, лишенную развитія и движенія впередъ и знающую только нескончаемое повтореніе того-же. Предъ космополитомъ, живущимъ безпочвенно, внѣ поколѣнія и народа, внѣ реальнаго времени и внѣ реальнаго пространства, встаетъ безконечное количество задачъ, между которыми онъ не въ правѣ выбирать, которыя всѣ ему одинаково близки, и которыя онъ всѣ присужденъ разрѣшать. Вѣдь человѣчество повсюду страдаетъ, повсюду требуетъ великодушнаго вмѣшательства, сердечнаго участія. И вотъ, космополитъ торопится, пытается поспѣть здѣсь и тамъ, онъ исполненъ ненасытимой жажды всюду помочь, вездѣ быть полезнымъ. Но задачъ для дѣятельности много, очень много. Разрѣшеніе одной задачи не приближаетъ космополита къ цѣли. Охватить всѣхъ людей и тѣмъ достичь человѣчества оказывается невозможнымъ, какъ бы ни была интенсивна жизнь, какъ бы ни былъ силенъ и неисчерпаемъ филантропическій пылъ. Но разочарованіе приходитъ не сразу. Сначала космополитъ вѣритъ въ реальность своего обладанія. Онъ утопистъ и оптимистъ. Отвлеченная всеобщность, по существу призрачная, для него реальность. Его обманываетъ маска безконечности, которою прикрывается отвлеченность и при-

зрачность его „человѣчества“. Ему кажется, что онъ движется, идетъ впередъ, прогрессируетъ, на самомъ дѣлѣ всѣ усилія его — безплодный бѣгъ на мѣстѣ. Его движеніе—иллюзія, ибо онъ не знаетъ преданія, какъ преемственности, сохраненія стараго въ новомъ, рожденія новаго изъ стараго. Онъ всякій разъ начинаетъ сызнова, и человѣчество попрежнему остается для него все въ той же отрѣшенной отъ реальности, но спасительной для его оптимизма безконечности.

Оно для него готовая уже данность, непреложный фактъ, предметъ восторженнаго обладанія. Отсюда его безусловное, не терпящее никакихъ исключеній, отрицаніе войны, которая есть для него ничѣмъ не оправдываемое нарушеніе единства человѣчества. Ссылка на національные интересы, даже на попираемую національную независимость его не убѣждаетъ. Національная независимость, національные интересы— все это пережитки темной старины, съ которыми надо разъ навсегда покончить. Точка зрѣнія человѣчества отмѣняетъ всѣ названныя дѣленія и питаемыя ими противорѣчія. Война есть абсолютное зло, которому нѣтъ никакого оправданія. Она никогда не въ интересахъ народовъ. Современный человѣкъ такъ же не можетъ воевать, какъ отдѣлившійся отъ звѣря человѣкъ не могъ уже быть антропофагомъ.

Таковъ космополитъ въ его подъемѣ: вытянувшееся въ дурную безконечность, по существу призрачное человѣчество не сознается еще, какъ призракъ, но утопически принимается за реальность. Раньше или позже, однако, наступаетъ паденіе: призрачность становится достояніемъ сознанія. Иллюзія движенія и дѣйствія исчезаетъ и уже никого не обманываетъ. Призракъ пустоты, въ который расплывается понимаемое отвлеченно, внѣ своихъ частей, человѣчество, поглощаетъ космополита. Филантропическій паѳосъ его остываетъ и смѣняется политическимъ индифферентизмомъ. Направленный на безконечное пылъ смѣняется столь же безконечнымъ безразличіемъ. Типъ мечтающаго о братствѣ народовъ и альтруистически настроеннаго стоика вымираетъ. Его мѣсто занимаетъ политически индифферентный и эгоистически настроенный эпикуреецъ, для котораго pax romana есть лишь необходимое условіе тихой, сокрытой отъ вол-

неній міра и довлѣющей себѣ жизни. Остается голый индивидъ, индивидъ-атомъ, замкнутый въ узкомъ кругѣ своего личнаго я и движимый лишь косными силами своей ограниченной данности. Восторженное отрицаніе войны смѣняется безсиліемъ заразиться общимъ настроеніемъ, проникнуться общимъ дѣломъ, вырождается въ нравственное дезертирство. Нечего отстаивать, не за что бороться, да и нечѣмъ жертвовать. Такъ свершается судьба космополита,—механизмъ пожираетъ самъ себя.

3.

Но такова же и судьба націонализма, этой изнанки космополитизма. Если космополитъ отрываетъ цѣлое отъ частей, то сущность націоналиста въ томъ, что онъ отрываетъ часть (народность) отъ цѣлаго (человѣчества). Онъ отвергаетъ все общее, какъ отвлеченное, нереальное, безпочвенное. Онъ признаетъ лишь конкретное, особое, то, чѣмъ нація его отличается отъ другихъ націй. Нація съ ея исторически сложившимся бытомъ реальна, человѣчество же отвлеченно и химерично. Націоналистъ, поэтому,—крайній истористъ. Уединяя часть, онъ цѣпляется за индивидуальность и особенность этой части, за все историческое въ ней. Онъ живетъ всецѣло въ конкретной частичности, которая для него довлѣетъ себѣ, и которой онъ, по его мнѣнію, сполна обладаетъ.

Сполна обладаетъ, т. е. внѣ его націи нѣтъ ничего, что бы мѣшало этому обладанію, что бы его какимъ-нибудь образомъ ограничивало. Его нація довлѣетъ себѣ и ни въ какомъ смыслѣ не выходитъ и не должна выходить она за свои предѣлы. Всѣ общечеловѣческія духовныя цѣнности — добро, право, наука, искусство, религія — или не существуютъ для націоналиста или существуютъ лишь постольку, поскольку онѣ выражены именно въ его націи. Только его государство нравственно, только его нація есть хранительница истиннаго знанія, подлиннаго искусства и правовѣрія. Оторванная отъ цѣлаго часть выдаетъ себя, такимъ образомъ, за цѣлое. Нація націоналиста есть уже обладаемая полнота человѣчества.

Поэтому, націоналистъ вполнѣ ею доволенъ. Сколь антикультурно, т. е. противоположно общимъ духовнымъ цѣнно-

стямъ ни было бы въ данный моментъ существованіе его націи,—это его не безпокоитъ: нашія его хороша уже потому, что это *его* нація. Въ ней все хорошо, не требуетъ никакихъ измѣненій, все должно быть сохранено. Въ ней нѣтъ ничего неготоваго, становящагося. Она вся—данность, готовая субстанція, которая въ лучшемъ случаѣ можетъ только еще раскрывать имѣющееся уже въ ней наличное содержаніе, но никоимъ образомъ не развиваться къ новому, въ ней еще не содержащемуся, выходящему за ея предѣлы. Націоналистъ отвергаетъ въ націи всякое заданіе. Онъ неизбѣжно консерваторъ. Покой есть его идеалъ.

Вотъ это то отсутствіе заданія и разверзаетъ передъ націоналистомъ дурную безконечность. Она поджидаетъ его въ той безпринципности, съ которой онъ признаетъ все историческое. Историческое хорошо для него уже потому, что оно—историческое. Онъ не желаетъ выбора. Либо все принять либо все отвергнуть: иной возможности онъ не вѣдаетъ. Принять все историческое? Но какъ сдѣлать это, когда даже въ отдѣльной націи историческаго такъ много, въ особенности, когда одно историческое оказывается противорѣчащимъ другому? И вотъ—націоналистъ производитъ выборъ, но дѣлаетъ это скрыто, на спѣхъ, руководствуясь произвольными, несознанными мотивами. Его націонализмъ дробится: изъ россійскаго превращается въ русскій, изъ русскаго—въ великорусскій, изъ великорусскаго—въ щигровскій. Интересы національные подмѣниваются интересами узко-сословными: германскій націонализмъ превращается лишь въ маску юнкерскаго. Какъ нація выдаетъ себя за цѣлое человѣчества, такъ и часть націи выдаетъ себя за націю. Оторванная отъ цѣлаго и потому выдаваемая за цѣлое часть все болѣе и болѣе сужается, подмѣнивается своей собственной частью (этнографическимъ племенемъ, классомъ) и далѣе—частью своей собственной части, т. е. все болѣе мельчаетъ, размѣнивается. Интересы государственные отождествляются съ интересами узко-правительственными. Или вниманіе направляется на внѣшнее, на поверхностное, на мертвое, т. е. на то, что, будучи лишь осадкомъ жизни, само недвижно и безжизненно и потому легче всего поддается обладанію. Такъ, націонализмъ славянофиловъ превращается въ національное ряженье К. Аксакова, всенѣ-

мецкое теченіе одно время выродилось въ безсмысленный пуризмъ языка, откапывавшій устарѣлыя, никому непонятныя слова и забрасывавшій живую рѣчь нарочитыми механическими новообразованіями. Въ поискахъ за даннымъ, явнымъ и конкретнымъ, національнзмъ дробится, мельчаетъ, засасывается разверзающейся передъ нимъ дурной безконечностью дѣленія. Ничѣмъ внутренне несвязанная, раздробляющаяся нація испаряется все болѣе и болѣе. Въ предѣлѣ—эгоистическое служеніе корыстнымъ интересамъ, только прикрывающееся маской національнзма. Изъ самодовлѣющей цѣли, изъ предмета обладанія нація незамѣтно превращается въ предметъ расхищенія. Національнзмъ вырождается въ психологію „національнаго пирога".

Это раздробленіе и испареніе націи связано съ дальнѣйшей ея механизаціей. А именно, сосредоточеніе интереса на внѣшнемъ и присвоеніе частью роли цѣлаго ведетъ къ нивеллировкѣ, униформированію. Часть, выдающая себя за цѣлое, не терпитъ многообразія, не терпитъ индивидуальности, стремится сдѣлать все кругомъ себя однообразнымъ. Такъ, въ отношеніи націи къ другимъ націямъ идея національнаго посланничества замѣняется идеей національнаго господства. Внутри самой націи возникаетъ политика національнаго угнетенія, уничтоженія индивидуальности частей въ угоду одной изъ этихъ частей. Но однообразіе не есть только идеалъ націоналиста. Это также и его сущность. Нѣтъ ничего однообразнѣе національнзма: всѣ націоналисты до чрезвычайности похожи другъ на друга. Это какъ бы оттиски съ одного и того же стереотипа. Занятые одной и той же чисто отрицательной цѣлью огражденія, уничтоженія и угнетенія, они всегда говорятъ объ одномъ и томъ же, дѣлаютъ одно и то же. Они всегда повторяются и повторяютъ другъ друга. Поэтому, они образуютъ лишь однообразное множество, лишенное индивидуальностей, многообразія. Можно сказать, что они различаются между собой лишь численно, а не существенно.—То же самое относится и къ національнзмамъ. Нѣтъ болѣе безличнаго и пригоднаго для экспорта, болѣе интернаціональнаго продукта, чѣмъ нніонализмъ. Что можетъ быть общечеловѣчнѣе Пушкина, Шекспира и Гете? Но, несмотря на всю эту свою сверхнаціональность, они глубоко національны и по-

стольку совершенно не переводимы на иностранные языки. Наоборотъ, нѣтъ ничего болѣе доступнаго переводу, чѣмъ націоналистическіе поэты и писатели. Стоитъ только перемѣнить въ націоналистическихъ писаніяхъ нѣкоторыя слова, вмѣсто Россіи поставить Германію, замѣнить національные обряды и воспоминанія соотвѣтствующими другими, и мы получимъ точный переводъ, ничѣмъ, даже слогомъ не отличающійся отъ соотвѣтствующаго чужеземнаго оригинала. Ибо всѣ націоналисты утверждаютъ одно и то же: превосходство своей націи, ея право на міровое господство. Всѣ они хотятъ одного и того же: мірового владычества, т. е. однообразія, въ которомъ опредѣленіе русское, германское и т. д. является уже мелкой деталью, несущественнымъ эпитетомъ. Въ самомъ дѣлѣ: стремящаяся, прежде всего, къ самодовлѣнію и потому оторвавшаяся отъ цѣлаго нація неизбѣжно выдаетъ себя за цѣлое. Всѣ ея старанія направляются на то, чтобы поддержать эту иллюзію. Она уже не творитъ свободно, изнутри, ради радости творчества, но опредѣляется тѣмъ, что находитъ у другихъ націй. Націоналистъ, поэтому, все время смотритъ на другія націи. Какъ бы не быть превзойденнымъ, обогнаннымъ соперниками! Желанное самодовлѣніе его оказывается иллюзіей, онъ теряетъ себя. Ведомый уже единственно желаніемъ превзойти другія націи, дать сверхъ того, что у нихъ есть, онъ всецѣло опредѣляется ими. Моя нація—высшая нація, сверхнація. И потому, не должно быть ничего у другихъ націй, чего бы не было и у меня, только въ еще большемъ, еще колоссальнѣйшемъ размѣрѣ. Такъ внѣшнее вытѣсняетъ внутреннее, подражаніе становится на мѣсто творчества, колоссальное на мѣсто великаго. Индивидуальное качество замѣняется идеаломъ количественнаго, внѣшняго превосходства.

Но проще всего и нагляднѣе всего это внѣшнее превосходство достигается черезъ политическое господство. Поэтому, націонализмъ по существу своему завоевателенъ. Превзойти всѣ націи, дѣйствительно сдѣлать часть цѣлымъ, т. е. покорить всѣ націи—эта чисто количественная, чисто механическая цѣль, въ концѣ концовъ, вытѣсняетъ всѣ остальныя. Если космополитизмъ безусловно отвергаетъ войну, то націонализмъ безусловно ее признаетъ. Война (конечно, удачная!) есть благо

сама по себѣ. Хищничеству изнутри (нація для націоналиста) соотвѣтствуетъ хищничество во внѣ (міръ для націи). Завоевательная цѣль опредѣляетъ и способъ веденія войны. Нѣтъ никакихъ сверхнаціональныхъ сдержекъ, международнаго права, соображеній гуманности. Всѣ средства хороши для поставленной цѣли господства. Отсюда также презрительное отношеніе къ врагу, какъ къ варвару, объекту колонизаціи и насильственной денаціонализаціи, а не какъ къ равноцѣнному субъекту. Таково же отношеніе націоналиста и къ союзникамъ: узко-эгоистическое и презрительное, а, слѣдовательно, и предательское. Въ союзникахъ онъ видитъ исключительно лишь орудіе собственнаго господства. Націоналистъ кончаетъ легкомысленнымъ прославленіемъ войны, граничащимъ съ безуміемъ и самоувѣренностью. Война вызываетъ въ немъ лишь элементарное чувство торжества послѣ побѣды, чувство злобы и мести послѣ пораженія. Онъ не видитъ въ ней судьбы, глубокихъ нравственныхъ противорѣчій, въ ней кроющихся, ея трагизма. Побѣда есть побѣда, а какою цѣной человѣчество оплачиваетъ побѣду—это его не интересуетъ.

Такъ и у націонализма есть свой подъемъ и свое паденіе. Онъ начинаетъ съ горделивой и восторженной вѣры въ то, что его нація есть избранный народъ, что она должна сказать новое слово и спасти разрушающееся человѣчество. Кончаетъ онъ мелочной и завистливой боязнью, что его превзойдутъ, обгонятъ, безпокойнымъ стремленіемъ къ физическому господству. И здѣсь иллюзія становится достояніемъ сознанія и перестаетъ быть иллюзіей—восторгъ выдыхается. Покой націоналиста оказывается столь же призрачнымъ, какъ и движеніе космополита. Самодовлѣніе его вырождается въ безпокойное охраненіе устоевъ, въ бряцаніе оружіемъ. Ему всюду мерещатся внутренніе и внѣшніе враги, ему начинаетъ казаться, что его не уважаютъ, что съ нимъ мало считаются. Желая стоять на себѣ самомъ, онъ, въ концѣ концовъ, опредѣляется другими. Предметъ его горделиваго обладанія—его національное преданіе улетучивается у него подъ руками, превращаясь въ случайный наборъ искусственныхъ внѣшностей. Его нація испаряется, становится похожей на націи другихъ націоналистовъ, оказывается лишенной индивидуальности и, потому, столь же отвлеченной, какъ и человѣчество кос-

мополита. У самого націоналиста психологія служенія націи давно уже смѣнилась психологіей своекорыстной ея эксплуатаціи. При такихъ условіяхъ достаточно сильнаго внѣшняго потрясенія, чтобы пока еще скрытый недугъ внутренняго раздробленія обрушился явнымъ распадомъ. Центробѣжныя силы тогда окончательно торжествуютъ, а съ ними вмѣстѣ выступаетъ наружу и эгоистическое безразличіе къ судьбамъ націи съ его лозунгомъ „спасайся, кто можетъ". Націоналистъ раздѣляетъ судьбу космополита: и здѣсь механизмъ пожираетъ самъ себя.

4.

Въ чемъ же причина этой общей судьбы? Почему космополитъ и націоналистъ, оба въ равной мѣрѣ, поглощаются дурной безконечностью и либо проваливаются въ пустоту, либо засасываются внѣшностью? Общей судьбѣ очевидно соотвѣтствуетъ общій грѣхъ. Его опредѣлить не трудно: для этого надо только объединить все сказанное выше въ одной формулѣ.

Какъ космополиту, такъ и націоналисту обще то, что они разрываютъ живую связь цѣлаго съ частями, мысля или цѣлое оторваннымъ отъ частей, или части оторванными отъ цѣлаго. Но жизнь не терпитъ подобнаго разрыва. Живой организмъ (а духовныя цѣнности подобны въ этомъ живымъ организмамъ) характеризуется именно тѣмъ, что въ немъ цѣлое не оторвано отъ частей, а проникаетъ собою всѣ части, и что каждая часть въ немъ, будучи органомъ цѣлаго, представляетъ собою все цѣлое, является его образомъ и подобіемъ. Лишите органъ этого органическаго, т. е. представляющаго цѣлое живого существа значенія, оторвите его отъ цѣлаго,—и онъ умретъ, превратится въ косную матерію и самъ начнетъ распадаться на части. Наоборотъ, лишите цѣлое отличающаго его въ живомъ существѣ значенія, откажитесь видѣть въ немъ проникающее каждую часть организма начало, оторвите его отъ жизни частей,—организмъ тогда неизбѣжно превратится въ машину, покорно выполняющую эту оторванную отъ нея, *отвлеченную* мысль создавшаго ее техника, т. е. станетъ простой комбинаціей, имманентной

суммой частей. Какъ бы вы ни усложняли вашу машину, сколько бы ни нагромождали частей,—вы не получите живого организма, а будете имѣть по прежнему лишь сумму частей, хотя и объединенныхъ внѣшне мыслью техника, но лишенныхъ всякой внутренней связи и готовыхъ каждый моментъ распасться. Въ обоихъ случаяхъ вы не получите жизни, не получите роста и движенія впередъ, а останетесь при мертвой матеріи, составленной изъ готовыхъ кусковъ и лишенной всякой активности, всякаго творчества.

Дѣйствительно, разрывая живую связь цѣлаго съ частями, механизмъ—и въ этомъ его сущность—имѣетъ дѣло лишь съ данностями, съ готовыми вещами. Оторванный отъ живого тѣла органъ и отвлеченная цѣль машины суть такія данности, готовыя, законченныя, не чреватыя уже никакими новыми возможностями, т. е. лишенныя жизни. Механизмъ знаетъ лишь обладаніе даннымъ, косное разложеніе даннаго, но ему невѣдомо творчество новаго, стремленіе, достиженіе. Для космополита человѣчество есть данность, сумма готовыхъ частей. Это есть наличный фактъ, которому надо пассивно подчиниться, и который однимъ своимъ существованіемъ отмѣняетъ всѣ историческія дѣленія на особыя народности. Это есть чисто опытное, имманентное, естественно-научное понятіе. Для націоналиста нація есть данность, готовая, законченная, голое существованіе которой есть высшее ея оправданіе. Это есть тоже фактъ, хотя уже и не имманентный, а трансцендентный, метафизическая субстанція „народнаго духа“, требующая пассивной вѣры и самой своей сверхъэмпирической наличностью отмѣняющая всѣ такія только отвлеченныя понятія, какъ человѣчество, международное право и т. д. Нужды нѣтъ, что космополитъ еще не обладаетъ человѣчествомъ, что оно ускользаетъ отъ него, какъ призракъ въ туманѣ. Онъ вѣритъ въ возможность полнаго его обладанія, которое надо еще только достигнуть въ будущемъ. Но само будущее для космополита есть только еще не наступившее настоящее. Человѣчество для него все таки есть данность, хотя и убѣгающая. Націоналистъ, напротивъ, вѣритъ, что онъ уже обладаетъ своей націей. Его забота только сохранить это обладаніе. Правда, нація непрерывно дробится у него подъ руками. Она вся уже въ прошломъ.

Но само это прошлое націоналистъ разсматриваетъ какъ настоящее. Нація его также есть данность, хотя и распадающаяся.

Въ этой прикрѣпленности къ данному и заключается общій и основной грѣхъ космополита и націоналиста. Въ немъ кроется истинная причина того, что заданіе одного оказывается столь же мнимымъ и призрачнымъ, какъ преданіе другого. Прикрѣпленные къ данности, они знаютъ лишь пассивное отношеніе къ своему предмету—отношеніе только обладанія. Это чисто внѣшнее, какъ бы разсудочное отношеніе, и постольку можно сказать, что оба они—противоположные и симметричные продукты интеллектуализма. На этой плоскости—плоскости данности—дѣйствительно нѣтъ выхода изъ разсмотрѣнной нами альтернативы. Или націонализмъ или космополитизмъ. Для третьей возможности здѣсь нѣтъ мѣста. Но стоитъ только покинуть эту плоскость пассивнаго обладанія, и антиномія падаетъ. Попробуемъ понять націю, какъ предметъ дѣланія, нашего активнаго устремленія, и мы тотчасъ же увидимъ, что между индивидомъ и націей, націей и человѣчествомъ нѣтъ и не можетъ быть никакого противоборства. На этой новой, какъ бы волевой, плоскости мы уже не обладаемъ націей, мы ее творимъ.

Творчество подобно жизни и не терпитъ разрыва части и цѣлаго. Творить можно, только стремясь къ цѣлому, но именно лишь стремясь, а не обладая имъ и потому непремѣнно оставаясь въ частяхъ. Всякая сотворенная часть есть лишь ступень восхожденія къ цѣлому, ступень къ свершенію, но никогда не конецъ, не совершенство. Въ творчествѣ нѣтъ ничего готоваго, законченнаго, абсолютно-даннаго, оно все живетъ дѣланіемъ, становленіемъ, заданностью. Только цѣлое довлѣетъ себѣ, но оно именно не дано въ отдѣльности, а лишь проникаетъ собою части, придаетъ имъ жизнь и единство. Въ извѣстномъ смыслѣ оно неуловимо, ибо неотдѣлимо отъ частей, будучи лишь живущимъ въ нихъ началомъ. Оно не трансцендентно частямъ, ибо не существуетъ отдѣльно отъ нихъ въ нѣкоемъ умопостигаемомъ мѣстѣ. Оно *только заданіе, а не трансцендентная данность*, внѣположная частямъ и потому необходимо сама превращающаяся въ (хотя бы сверхчувственную) часть. Но цѣлое и *не есть* также *нѣчто*

только имманентное, ибо оно не есть простая сумма налично данныхъ частей, *а есть именно заданіе,* т. е. самостоятельное проникающее ихъ начало. Иначе говоря, цѣлое есть идея, т. е. единство трансцендентнаго и имманентнаго, взаимопроникновеніе цѣлаго и частей, одухотворенная заданіемъ данность.

Будучи работой въ частяхъ, одушевленной стремленіемъ къ цѣлому, творчество есть осуществленіе идеи. Такъ, напр., научное творчество живетъ идеей науки. Науку нельзя отдѣлить отъ своихъ спеціальныхъ областей, ею нельзя разъ навсегда овладѣть, какъ о томъ мечтаетъ диллетантъ. *Она есть* общее для всѣхъ отдѣльныхъ научныхъ областей *заданіе,* къ которому можно только приближаться въ непрерывномъ прогрессѣ, но которое нельзя исчерпать, превратить въ готовую данность. Но точно также не терпитъ она и уединенія части, практикуемаго спеціалистомъ. Всякое отдѣльное знаніе научно лишь постольку, поскольку оно связано съ цѣлымъ науки, есть живой членъ научной системы. Только черезъ эту причастность цѣлому научное знаніе научно. Какъ въ каждомъ членѣ организма въ сущности содержится весь организмъ въ цѣломъ, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ научномъ предметѣ содержится вся наука въ цѣломъ. Не путемъ диллетантскаго отвлеченія отъ частностей и собиранія готовыхъ общихъ мѣстъ, но путемъ углубленія въ частное и всесторонняго его разсмотрѣнія можемъ мы взойти къ „наукѣ вообще", познать самое „научность". Нужно только разсматривать это частное, какъ членъ научной системы, какъ образъ ея и подобіе, и мы увидимъ тогда, что въ немъ, какъ въ микрокосмѣ, отражается весь великій космосъ научной системы. При этомъ все равно, что это за частное: многообразны пути, ведущіе къ единой наукѣ. Въ этомъ смыслѣ цѣлое науки есть „научность", т. е. живое начало, имманентно присутствующее въ каждомъ частномъ научномъ предметѣ, дѣлающее его возможнымъ какъ научный предметъ, оформляющее его. *Идея есть* не только трансцендентное заданіе, но и *имманентная форма.* Она есть заданіе въ отличіе отъ отвлеченнаго цѣлаго, какъ простой имманентной суммы частей, она есть форма въ отличіе отъ уединенной части, выдающей себя за трансцендентную сущность внѣ ея поло-

женнаго цѣлаго. Быть безконечнымъ, т. е., неисчерпаемымъ для частей заданіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пронизывающимъ части, внутренне „образующимъ“ ихъ принципомъ—вотъ двойная функція идеи.

Творчество живетъ идеей. Идея связываетъ части внутреннимъ единствомъ, превращаетъ ихъ въ ступени восхожденія къ общему цѣлому, дѣлаетъ изъ нихъ этапы единаго развитія. Будучи образами одной и той же идеи, рѣшеніями одного и того же заданія, части становятся многообразными. Повтореніе того же уступаетъ мѣсто сохраненію стараго въ новомъ, накопленію новаго, т. е., творчеству. Вѣдь творчество есть непрерывное и неуклонное совершенствованіе, углубленіе и обогащеніе уже достигнутаго новыми достиженіями. Но новое въ творчествѣ возможно лишь черезъ сохраненіе стараго. Старое же сохраняется, т. е., становится преданіемъ лишь черезъ причастность свою общему заданію, т. е., постольку, поскольку оно носило въ себѣ идею. Творчество и есть живое единство преданія и заданія. Однообразіе и повтореніе уступаютъ въ немъ мѣсто многообразію и развитію. Такъ идея преодолѣваетъ безплодіе дурной безконечности. Она не только придаетъ смыслъ и цѣнность каждой отдѣльной части, но и организуетъ части, вноситъ въ нихъ порядокъ, непрерывность, опредѣленность. Каждая часть, будучи отнесена къ цѣлому, получаетъ свое опредѣленное, незамѣнимое мѣсто въ единомъ ряду развитія, опредѣленное призваніе—становится индивидуальностью.

Вѣдь и въ личной жизни индивидуальность дается творчествомъ, а это значитъ—причастностью къ нѣкой общей идеѣ, работой надъ сверхъиндивидуальнымъ заданіемъ. Кѣмъ бы мы ни были—учеными, поэтами, общественными дѣятелями или просто творцами собственной жизни,—только черезъ сверхъиндивидуальное въ насъ можемъ мы стать индивидуальностями. Сверхъиндивидуальное въ насъ образуетъ насъ, сохраняя частности нашей жизни и собирая ихъ въ единое цѣлое. Оно же опредѣляетъ насъ, указывая намъ особое, незамѣнимое мѣсто, наше призваніе. Индивидуальность образуется легко, свободно въ результатѣ работы надъ сверхъиндивидуальнымъ заданіемъ, какъ ея естественный плодъ. Наоборотъ, уединеніе индивида, эгоистическое замкнутіе его

въ узкомъ кругѣ собственной данности ведетъ къ внутреннему распаду, къ дробленію и къ потерѣ своего я. Личность утрачиваетъ единство, лишается призванія, т. е., перестаетъ быть индивидуальностью. Въ этомъ и состоитъ внутреннее противорѣчіе индивидуализма. Онъ начинаетъ съ уединенія, т. е., съ обожествленія личности, кончаетъ же пессимистическимъ признаніемъ ея призрачности [1]). Жизнь въ себѣ оказывается вѣрнѣйшимъ путемъ къ утратѣ собственнаго я. Самоутвержденіе оборачивается самоотрицаніемъ, индивидуализмъ пожираетъ самъ себя [2]). Чтобы пріобрѣсти я, надо быть больше чѣмъ я, надо быть причастнымъ нѣкоему сверхъ-я. А это и дается жизнью въ общемъ, въ абсолютномъ. „Сберегшій душу свою потеряетъ ее, а потерявшій душу свою ради Меня сбережетъ ее".

5.

Но то же самое можно сказать и про націю. Если нація есть коллективное лицо, соборная индивидуальность (а лишь такая индивидуальность и заслуживаетъ названія націи), то она возможна черезъ сверхъиндивидуальное, въ данномъ случаѣ черезъ сверхнаціональное, общечеловѣческое. Только пока нація не выдѣлена, а включена въ цѣлое человѣчества, есть она живое творчество, обладаетъ она своимъ лицомъ.

Всякое творчество нуждается въ конкретизаціи, опредѣленности. Только имѣя передъ собой конкретныя, индивидуальныя задачи, можно реально творить. Опредѣленность задачи дается народностью, національной традиціей, какъ непосредственной окружающей творчество средой. Безъ этой включенности въ традицію творчество въ самомъ дѣлѣ оказывается безпочвеннымъ, неплодотворнымъ, т. е., мнимымъ творчествомъ. Оно живетъ преданіемъ: изъ него исходитъ и его создаетъ. Какъ преданіе, нація есть совокупность сотвореннаго, но никогда не конченнаго и мертваго, а живого и

[1]) Срв. *Д. Мережковскій.* Двѣ тайны русской поэзіи. 1915. Статья о Тютчевѣ.

[2]) Я не говорю уже о той пародіи на индивидуализмъ, которая называется оригинальничаніемъ. Нѣтъ людей болѣе безъиндивидуальныхъ и лишенныхъ собственнаго я, чѣмъ оригинальничающіе люди.

живительнаго. Это—духовный воздухъ нашъ, которымъ мы дышемъ, черезъ который мы можемъ жить и творить, черезъ который мы можемъ быть самими собой. Чѣмъ были бы мы безъ Пушкина и Толстого, Тютчева и Достоевскаго, Петра Великаго и Сперанскаго, декабристовъ и Герцена, безъ музыки нашей, нашей древней иконописи? Даже не зная ихъ, мы вдыхаемъ ихъ, живемъ ими, творимъ черезъ нихъ. Они не умерли, но продолжаютъ жить въ насъ, и, подобно древнимъ грекамъ и римлянамъ, мы боремся сплоченнымъ строемъ вмѣстѣ съ нашими безсмертными мертвыми. Преданіе есть не просто прошлое, а живое, вѣчное прошлое, и исторія націи есть повѣствованіе не о прошедшемъ и отмершемъ, а о непреходящемъ прошломъ. Нація есть совокупность не только живыхъ, но и мертвыхъ, и не только тѣхъ мертвыхъ, имена которыхъ вѣдомы каждому живому, но и многихъ, многихъ безвѣстныхъ, точно такъ же боровшихся и творившихъ.

Но что дѣлаетъ прошлое непреходящимъ? Что дѣлаетъ возможнымъ самое преданіе? Оно есть совокупность сотвореннаго. Значитъ, оно возможно только черезъ работу надъ вѣчными, абсолютными цѣнностями, черезъ заданіе, въ абсолютности своей выходящее за предѣлы отдѣльныхъ націй. Стремясь къ истинѣ какъ таковой, и красотѣ, какъ таковой, даже самые чуждые всякаго націонализма ученые и поэты будутъ творчествомъ своимъ создавать націю, будутъ національными въ истинномъ смыслѣ слова. Черезъ нихъ естественно и свободно, само собой, пріумножится духовное достояніе націи, обогатится національное преданіе. Но горе искусству, которое, во что бы то ни стало, заранѣе захочетъ быть славянскимъ, философіи, которая поставитъ себѣ задачей во что бы то ни стало быть восточной, праву, которое пожелаетъ, прежде всего, быть русскимъ. Такое искусство будетъ претенціознымъ и лубочнымъ, философія—нарочитой и ненаучной, право—несправедливымъ. Это будутъ мнимое искусство, мнимая наука, мнимое право, въ нихъ не будетъ главнаго, чѣмъ живо истинное творчество—безкорыстнаго стремленія къ красотѣ, истинѣ, справедливости. Но безкорыстность есть только тамъ, гдѣ имѣется стремленіе къ цѣлому, т. е., гдѣ нѣтъ уединенія и самодовлѣнія части, гдѣ

нѣтъ догматической увѣренности въ обладаніи истиной и потому посторонняго истинѣ интереса остаться во что бы то ни стало правымъ. Здѣсь именно и кроется внутреннее противорѣчіе націонализма: стремясь прежде всего къ нарочитости и національности, онъ дѣлаетъ творчество невозможнымъ и мнимымъ. Нарочитое творчество, вообще, не творчество и потому не можетъ быть и національнымъ творчествомъ. Поэтому-то нація и распадается въ рукахъ націоналиста, утрачиваетъ свою индивидуальность, нивеллируется.

Итакъ, если нація есть нѣчто большее, чѣмъ голое существованіе народа, а есть нѣчто цѣнное и незамѣнимое, т. е., индивидуальное творчество, созданіе своеобразной культурной традиціи, то нація возможна лишь въ человѣчествѣ и черезъ человѣчество. Только творчество надъ сверхнаціональными, общечеловѣческими цѣнностями сообщаетъ смыслъ и даже бытіе націи. Идея человѣчества такъ же формируетъ націю, какъ идея науки формируетъ отдѣльные научные предметы. „Совокупное творчество надъ общими культурными цѣнностями"—только на первый взглядъ это опредѣленіе націи можетъ показаться абстрактнымъ и неожиданнымъ. Въ сущности же оно совпадаетъ съ обычнымъ опредѣленіемъ. „Народъ есть населеніе, не только совмѣстно живущее, но и совокупно дѣйствующее, имѣющее общій языкъ и общія судьбы", говоритъ Ключевскій [1]). Это значитъ—объединенное въ общей, совокупной работѣ надъ вѣчными и, потому, сверхнаціональными, общечеловѣческими цѣнностями: искусствомъ, наукой, религіей, правомъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ этого объединенія, нѣтъ и націи, а есть только раса, простой этнографическій матеріалъ, разсыпающійся и неоформленный, не субъектъ, а объектъ культурнаго творчества.

Нація возможна черезъ человѣчество. Но что такое это человѣчество, формирующее націю? Оно не есть простая сумма отдѣльныхъ народностей, какъ идея науки не есть сумма разрозненныхъ знаній. Оно есть тоже цѣлое въ смыслѣ идеи, а не въ смыслѣ суммы. Подобно тому, какъ „наука вообще" превратилась для насъ въ идею научности, прони-

[1]) Курсъ русской исторіи, I, 120.

зывающую и объединяющую всѣ научныя знанія, такъ и человѣчество изъ отвлеченной суммы превращается въ идею человѣчности [1]), проникающую собою всѣ отдѣльныя націи. Какъ цѣлокупность вѣчныхъ заданій, надъ которыми работаютъ люди, идея человѣчности (гуманность) есть идеалъ, къ которому должны стремиться всѣ націи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣчность есть начало, необходимо присутствующее въ каждой истинной націи, дѣлающее ее возможной, отличающее ее отъ простого этнографическаго матеріала. Подобно всякой идеѣ, и человѣчество, какъ человѣчность, одновременно имманентно и трансцендентно. Имманентно, поскольку не существуетъ отдѣльно отъ націй, а является пронизывающимъ ихъ, придающимъ имъ цѣнность и бытіе принципомъ. Трансцендентно, поскольку оно не есть простая сумма ихъ эмпирическаго бытія, а особое начало, предлежащее отдѣльнымъ націямъ въ качествѣ поставленной предъ ними цѣли, къ которой онѣ неустанно должны стремиться. Это есть нераздѣльное единство части и цѣлаго, въ которомъ часть есть образъ цѣлаго, цѣлое — живой принципъ части.

Первоначальный энтузіазмъ космополитизма и кажущаяся его правота проистекали отъ того, что, говоря о человѣчествѣ, какъ отвлеченной суммѣ однообразныхъ народностей, онъ на самомъ дѣлѣ, однако, имѣлъ въ виду человѣчность, какъ цѣлокупность общихъ всѣмъ народностямъ цѣнностныхъ заданій, индивидуально разрѣшаемыхъ различными народными преданіями. Идея человѣчности объединяетъ отдѣльныя націи въ единствѣ общаго для нихъ всѣхъ заданія: въ этомъ сказывается центростремительная тенденція, монистическій характеръ идеи. Но, будучи лишь безконечнымъ заданіемъ, предлежащимъ одинаково всѣмъ націямъ въ ихъ борьбѣ за культуру, человѣчность, какъ идея, не только не нивеллируетъ индивидуальныхъ особенностей отдѣльныхъ націй, но даже требуетъ ихъ многообразія: безконечность заданія порождаетъ различныя попытки, различные способы его разрѣшенія. Въ этомъ проявляется центробѣжная тен-

[1]) Menschheit въ смыслѣ человѣчества, какъ его космополитически понимало Просвѣщеніе, превращается у нѣмецкихъ идеалистовъ въ Menschheit въ смыслѣ Humanität, человѣчности.

денція, плюралистическій характеръ идеи. Такимъ образомъ, идея обнаруживается, какъ единство многообразія: единое, поскольку оно идеально, многообразное, поскольку оно реально. *Быть* гражданиномъ міра можно, только будучи вкрапленнымъ въ національное преданіе, углубившись въ него и тѣмъ самымъ познавши его общечеловѣческій смыслъ. Но и обратно: быть истиннымъ гражданиномъ своего народа можно, только *стремясь* реализовать въ немъ идеалъ человѣчности, т. е. вставивъ его въ болѣе объемлющее цѣлое культурнаго человѣчества. Только тогда нація перестаетъ быть грубымъ фактомъ, существованіе ея получаетъ опредѣленный, индивидуальный смыслъ, она пріобрѣтаетъ историческое призваніе. Поэтому, истинный космополитизмъ и истинный націонализмъ не только не противорѣчатъ другъ другу, но требуютъ одинъ другого. Что можетъ быть національнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, общечеловѣчнѣе Гете и Пушкина [1])? Чѣмъ человѣчнѣе, тѣмъ національнѣе, чѣмъ національнѣе, тѣмъ человѣчнѣе. Истинный космополитизмъ и истинный націонализмъ совпадаютъ.

„Подобно Янусу, они смотрѣли въ разныя стороны, но сердце у нихъ билось одно", говоритъ Герценъ про западниковъ и славянофиловъ. Самые настоящіе изъ западниковъ (какъ самъ Герценъ) вѣрили въ *особое* призваніе своего народа. Самые великіе изъ славянофиловъ (какъ братья Кирѣевскіе) не уставали опредѣлять мѣсто Россіи во всемірной исторіи, *призваніе* русскаго народа, на долю котораго выпала, какъ они вѣрили, почетная роль спасти міровую культуру (человѣчность) отъ разложенія и смерти. Только эпигоны тѣхъ и другихъ превратили различную направленность взора въ уединяющее раздѣленіе моментовъ идеи: западники, превративъ человѣчность въ человѣчество, отбросили преданіе и забыли объ особомъ призваніи Россіи въ исторіи человѣчества (т. е. въ процессѣ реализаціи человѣчности); славянофилы, отбросивъ заданіе, забыли объ общечеловѣческомъ призваніи Россіи и подмѣнили идею служенія человѣчности (подчиненія части цѣлому) идеей физическаго

[1]) Вспомнимъ Тютчева о Гете: „На древѣ человѣчества высокомъ ты лучшимъ былъ его листомъ".

господства надъ человѣчествомъ (подчиненія цѣлаго части). Отсюда полная удовлетворенность настоящимъ, безконечное суженіе идеи человѣчности, т. е., крайній историзмъ однихъ, точно соотвѣтствующій столь же безусловному антиисторизму другихъ.

Нація — историческое образованіе. Способъ разрѣшенія и даже самый характеръ предлежащихъ ей культурныхъ задачъ опредѣляется ея призваніемъ, т. е., исторической судьбой и мѣстомъ ея въ міровой исторіи человѣчества. Созданіе національнаго преданія — вотъ историческій моментъ въ націи. Исходить изъ исторіи — его велѣніе. Но нація — совокупная работа надъ сверхъисторическимъ заданіемъ. Стремленіемъ реализовать общечеловѣческія, вѣчныя цѣнности (идею человѣчности) опредѣляется направленіе ея духовнаго творчества. Включеніе національнаго преданія въ соборное преданіе всего человѣчества — вотъ сверхъисторическій моментъ въ націи. Стремиться къ вѣчному — его велѣніе. Стремясь къ вѣчному, космополитъ отвергаетъ историческое: въ борьбѣ съ современнымъ правительствомъ, съ церковью, съ общей культурной косностью, онъ отвергаетъ государство вообще, религію, націю. Націоналистъ, наоборотъ, безусловно защищая все историческое, отвергаетъ всякое стремленіе, всякое становленіе. Защищая государство, религію, національную традицію, онъ подмѣниваетъ государство правительствомъ, религію—церковностью, народность — національной внѣшностью. Оба не различаютъ между явленіемъ и сущностью: одинъ не видитъ сущности (вѣчныхъ цѣнностей), другой подмѣниваетъ вѣчную цѣнность временной дѣйствительностью.

Нація не есть ничто, а есть реализующаяся человѣчность. Но нація и не есть все, т. е., нѣчто готовое, законченное, себѣ довлѣющее, долженствующее насильно навязать всему остальному свой исключительный характеръ. Нація не есть покой, а есть жизнь, движеніе, становленіе. Мы должны творить націю, любить ее какъ объектъ нашего творчества, любить вѣчное въ ней, являющееся намъ въ видѣ будущаго. Ибо нація есть не только совокупность живыхъ, но и будущихъ, еще не родившихся. Никогда не должны мы боязливо цѣпляться за настоящее, удовлетворяться данностью, замѣ-

нять созданіе новаго изживаніемъ накопленнаго богатства, т. е., творчество замѣнять расхищеніемъ, жизнь — косностью и смертью. Идея человѣчности переноситъ свой идеальный характеръ и на самое націю: изъ готовой, замкнутой субстанціи нація превращается въ принципъ цѣлаго, въ становящееся заданіе, въ идею. Тѣмъ самымъ она теряетъ свой порабощающій, давящій и распыляющій характеръ и становится началомъ собирательнымъ, принципомъ свободы и единенія.

6.

Сказаннымъ опредѣляется отношеніе истиннаго патріотизма къ войнѣ. Безусловныя въ силу своей однообразной отвлеченности рѣшенія космополитизма и націонализма (огульное отрицаніе и огульное же утвержденіе войны) ему одинаково чужды. Порождаемая націонализмомъ завоевательная война, ведущая необходимо къ угнетенію другихъ націй, имъ отвергается. Но точно такъ же имъ отвергается и національный индифферентизмъ космополита. Если я есмь я только въ силу причастности своей сверхъиндивидуальному началу, если я есмь личность лишь въ мѣру своей причастности общему, то, очевидно, ни утрата матеріальнаго благополучія, ни физическая смерть не должны остановить меня отъ защиты своего духовнаго достоянія, обезпечивающаго мнѣ духовное бытіе. Но причастнымъ общему я могу быть только черезъ свободное развитіе своихъ творческихъ силъ въ какомъ-нибудь національномъ преданіи. Внѣ этого свободнаго и естественнаго участія въ національномъ преданіи я не могу стать причастнымъ и общечеловѣческому. Я есмь я лишь черезъ націю такъ же, какъ и нація есть нація лишь черезъ раскрывающуюся въ ней человѣчность. Отсюда вытекаетъ нравственное требованіе защищать всѣми силами свою національную независимость, какъ возможность достойнаго человѣческаго существованія. Живая, творящая, не распадающаяся нація не остановится ни передъ какими жертвами, угрожающими ея матеріальному благополучію, разъ рѣчь идетъ объ охранѣ ея духовнаго бытія. Вѣдь единственный смыслъ ея матеріальнаго существованія — быть физической основой ея духовнаго творчества. Если послѣднему угрожаетъ опасность,

то первое лишается всякой цѣнности. Такимъ образомъ, истинный патріотизмъ, отвергая войну завоевательную, всецѣло признаетъ войну духовно-оборонительную. При этомъ несущественно, завоевательна или оборонительна война въ обычномъ политико-стратегическомъ смыслѣ. „Завоевательныя“ итальянскія войны за освобожденіе были въ нашемъ смыслѣ духовно-оборонительными. Такой же несомнѣнно была и первая балканская война [1]).

Итакъ, въ отличіе отъ завоевательной, война духовно-оборонительная есть *по цѣли* своей *защита преданія*. Но не менѣе существенно отличается оборонительная война отъ завоевательной и *по своему способу*. Если послѣдняя, какъ мы видѣли (гл. 3), не знаетъ никакихъ сдержекъ (всѣ средства хороши для достиженія цѣли завоеванія), то первая въ самой себѣ носитъ цѣлый рядъ ограниченій. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ имѣетъ защищать національное преданіе, если защита эта будетъ вестись такъ, что въ результатѣ ея погибнетъ все, придающее жизнь національности, т. е., человѣчность? Защита преданія неразрывно связана также и съ *защитой заданія*. Война не должна убивать человѣчности въ націи. И если защита преданія выпадаетъ наиболѣе явнымъ образомъ на долю арміи, то защита заданія есть прежде всего долгъ народа, „тыла“. Война не только должна быть защитой націи, но и защитой человѣчества, и при томъ именно потому, что она есть защита націи.

Въ чемъ же конкретномъ должна проявиться эта защита человѣчности? Во первыхъ, въ гуманномъ способѣ веденія войны; въ отказѣ отъ всякихъ связанныхъ съ національнымъ угнетеніемъ территоріальныхъ пріобрѣтеній; наконецъ, въ достойномъ отношеніи къ врагу. Мы должны уважать его національность, т. е., его патріотизмъ, видѣть въ немъ заблуждающагося, а не звѣря, котораго надо обуздать, уничтожить, которому надо отомстить. Больше всего надо избѣгать самонадѣяннаго, легкомысленнаго отношенія къ врагу и войнѣ, огульнаго обвиненія врага и огульнаго же самовосхваленія. Насъ не должно покидать чувство трагичности, которое неразрывно связано съ чувствомъ виноватости.

[1]) Срв. о понятіи духовно-оборонительной войны превосходную брошюру *И. Ильина*. Духовный смыслъ войны. М. 1915.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое война въ смыслѣ философскомъ? Каково ея „идеальное" происхожденіе? Вѣдь, будучи только заданіемъ и въ этомъ смыслѣ чѣмъ-то неисчерпаемымъ, ирраціональнымъ, человѣчность требуетъ многообразія своихъ раціональныхъ обнаруженій. Она требуетъ національнаго многообразія. Откуда-же, какъ же возможенъ конфликтъ между націями? Историческія, политическія, экономическія, вообще эмпирическія причины тому многообразны. Не дѣло философа ихъ изслѣдовать. Его задача — вскрыть, какой идеальный *смыслъ* имѣетъ уже разъ возникшій конфликтъ? И на этотъ вопросъ можно дать только одинъ отвѣтъ. Пока націи живутъ истинно творческой жизнью, т. е., пока онѣ осуществляютъ человѣчность, проникнуты ею, между ними пребываетъ гармонія, какъ между разнообразными и взаимодополняющими другъ друга ликами одного и того же Единаго Абсолютнаго Начала. Между ними тогда возможно лишь соревнованіе, но не конфликтъ. „Въ домѣ Отца моего обителей много". Но разъ конфликтъ на лицо, и при томъ конфликтъ неотвратимый, плодъ долголѣтняго развитія (а такимъ именно конфликтомъ и является современная война), то, значитъ, гдѣ то, въ какой то націи, а, можетъ быть, и во всѣхъ, произошелъ отпадъ, отрывъ отъ этого Абсолютнаго Начала. Центробѣжныя силы гдѣ-то, а, можетъ быть, всюду, восторжествовали надъ центростремительными. Какая-то одна нація, а можетъ быть и всѣ, дали себя полонить духомъ націонализма, оторвались отъ цѣлаго человѣчности, выдали себя за цѣлое, возомнивъ, что въ нихъ только, какъ въ соли земли, и пребываетъ сполна человѣчество. Оторвавшаяся отъ Абсолюта и выдающая себя за Абсолютъ часть вноситъ начало раздора въ гармонію, Хаоса въ Космосъ. Космосъ отступаетъ передъ Хаосомъ, и этотъ торжествующій Хаосъ, духъ раздора и разрушенія, и есть война.

Война между націями, поэтому, подобна, а иногда и тѣсно связана съ борьбой между отдѣльными областями Духа. Будучи многообразными обнаруженіями Абсолютнаго Начала (его обителями), Истина, Добро, Красота, Справедливость, сами по себѣ, не враждебны другъ другу, а находятся въ восполняющей другъ друга гармоніи. Но и здѣсь нерѣдко бываетъ, что какая-нибудь одна сфера отрывается отъ жизни

Абсолюта, выдаетъ себя за весь Абсолютъ и застываетъ въ своей окостенѣлости. Тогда воцаряется одностороннее, нивеллирующее господство какой-нибудь одной сферы культуры. Таковы эпохи интеллектуализма (напр., Александрійскій періодъ, поздняя Схоластика, Просвѣщеніе), эстетизма (Болонская школа, классицизмъ въ литературѣ), морализма. Это—мертвыя эпохи въ жизни Духа. Творчество постепенно изсякаетъ въ нихъ и вытѣсняется искусной, но безплодной техникой. Раньше или позже въ опустошенный Космосъ Духа врывается тогда подъ видомъ интуиціи, настроенія, природы или подъ какимъ-нибудь другимъ знакомъ мистическій Хаосъ и сметаетъ возгордившуюся часть. Это стихійное возстаніе Хаоса (первоначальное христіанство, романтизмъ и др.), направленное въ явленіи противъ всей закостенѣвшей сферы, въ глубочайшей своей сущности, однако, имѣетъ своимъ объектомъ лишь самодовольство и гордыню добровольно уединившейся области. Это—порывъ самой жизни противъ силъ распада и смерти.

Таковъ же внутренній смыслъ національной войны. Гдѣ то произошелъ отпадъ отъ Абсолюта, отъ Человѣчности. Въ Космосъ Человѣчности ворвался Хаосъ, и разразилась война. Война эта угрожаетъ нашему національному, т. е., человѣческому существованію, и мы обороняемся всѣми силами отъ угрожающаго намъ зла. Мы вѣримъ, что нашъ противникъ—виновникъ отпада и, слѣдовательно, зачинщикъ войны. Его надо обуздать, смирить его гордыню, охранить отъ него свободу націй и человѣчность. Но можемъ ли мы въ глубинѣ нашей совѣсти сказать, что мы сами совсѣмъ безъ вины, что среди нашей націи не было элементовъ гордыни и отпада отъ Абсолюта? Только ли его должно обуздать? Не шевелится ли и въ насъ самихъ звѣрь гордыни и націонализма, сторожащій только моментъ, чтобы побѣду человѣчности надъ націонализмомъ превратить въ новое и сильнѣйшее ея пораженіе? И, даже въ случаѣ полной невиновности нашей, не есть ли эта самая борьба со всѣми ея ужасами и связанное съ желанной побѣдой униженіе противника—новая вина, которую мы, защищая наше національное достояніе, принуждены сознательно взять на себя [1])? Чуткая совѣсть, если

[1]) Срв. *И. Ильинъ*. Нравственное противорѣчіе войны. „Вопросы философіи", дек. 1914.

даже и не формулируетъ всѣхъ этихъ сомнѣній, непосредственно переживаетъ ихъ. Поэтому, она и испытываетъ то чувство трагичности переживаемой борьбы, которое не позволяетъ ей съ легкомысленной самоувѣренностью относиться къ противнику и видѣть въ немъ безусловное зло, подлежащее презрѣнію и искорененію.

Дѣйствительно, нація, желающая побѣдить, но побѣдить не однимъ лишь насиліемъ, а и въ духѣ, должна мобилизовать не только свою армію, но и свой духъ. Но мобилизація эта не должна означать легкомысленнаго разжиганія ненависти [1]), которой въ пылу лютой борьбы и безъ того уже много накопилось и ежечасно накопляется. Мы должны помнить, ради чего мы боремся, помнить объ угрожаемой въ лицѣ націи нашей человѣчности, о томъ заданіи, которымъ только и можетъ быть живо наше національное преданіе. Борьбой нашей мы беремъ на себя великую обязанность. Мы должны показать, что, какъ нація, мы достойны побѣды. Но для этого мало только бороться съ шовинизмомъ. И опустошенный отъ всего сверхъиндивидуальнаго, отъ національнаго дезертиръ, и размѣнявшійся на мелочи и выдающій свои мелочные интересы за всеобщіе шовинистъ не поддаются словесному убѣжденію. Объединенная въ борьбѣ съ непріятелемъ нація должна подняться также и въ порывѣ истиннаго національнаго творчества надъ общечеловѣческими идеалами. Тогда въ этомъ національномъ кипѣніи сама собой растворится ~~также~~ и вся та враждебная національной жизни накипь. Въ противовѣсъ истекающей кровью Сербіи, Бельгіи и Франціи, наша родина съ ея необозримымъ тыломъ въ состояніи и потому особенно обязана совершить такой подъемъ. Всѣ мы должны бы были быть готовы отдать жизнь за являющуюся въ націи нашей человѣчность. Однако, не всѣ должны и не всѣ могутъ непосредственно участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля. Это было бы, во первыхъ, лишь помѣхой въ чисто военномъ отношеніи. А, во вторыхъ, къ чему была бы эта только внѣшняя побѣда безъ побѣды внутренней, побѣды духовнаго творчества? Но всѣ изъ насъ могутъ

[1]) Какъ это рѣшился утверждать въ своемъ фельетонѣ „Мобилизація духа“ редакторъ „Франкфуртской газеты“ Г. Симонъ, оправдывая взятую этой демократической газетой шовинистическую линію поведенія.

и должны, каждый на своемъ мѣстѣ, объединиться въ наибольшемъ порывѣ истинно національнаго творчества. Въ исторіи бывали примѣры, что вызванный національной войной духовный подъемъ народа ознаменовывался великими творческими достиженіями. Будемъ и мы, работая для арміи нашей и ея побѣды, неустанно помнить, что война и побѣда не есть самоцѣль, а только нужнѣйшее средство національнаго подъема. Работая для войны, мы должны тѣмъ самымъ работать и для націи. Пусть тѣ общественныя организаціи, которыя нынѣ имѣютъ временную цѣль помощи арміи, останутся и послѣ войны орудіями нашего политическаго творчества. Пусть нужное для побѣды надъ непріятелемъ политическое объединеніе партій будетъ таково, и только таково, чтобы оно и послѣ войны оказалось мощнымъ рычагомъ новаго нашего государственнаго строительства. Пусть создаваемыя военными чисто интересами формы экономической нашей организаціи останутся и послѣ войны могучими факторами хозяйственнаго прогресса. Даже философскія наши размышленія о войнѣ, будучи логическимъ осознаніемъ временно остро вставшихъ предъ нами вопросовъ совѣсти, должны быть таковы, чтобы черезъ нихъ открылись намъ новыя философскія достиженія. Однимъ словомъ, отдавая всѣ силы свои работѣ надъ временнымъ, мы должны, не обольщаясь имъ, видѣть въ немъ лишь орудіе и образъ Вѣчнаго, Единственнаго, ради чего стоитъ и жить, и умереть.

БИБЛІОТЕКА
[illegible]СТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.